

УДК 32.019.15; 341.218.4

Черняховская Ю. С.

Российский научно-исследовательский институт культуры и природного наследия имени Д. С. Лихачёва
19072, г. Москва, Берсеневская набережная, д. 18-20-22, стр. 3, Российской Федерации

ИМПЕРИИ И ФАНТАСТИКА

АНОНТАЦИЯ

Цель. Рассмотрение некоторых из множества примеров конструирования мотивирующих образов идеальной империи, обращённых в одних случаях в прошлое, в других – в будущее, и связи их с мотивирующими мифами и их переосмысливанием в жанре фэнтези.

Процедура и методы. Проанализирован корпус текстов и обобщён историко-политологический опыт по теме исследования; использовались методы политико-философского анализа, герменевтика и диалектическая логика.

Результаты. Выявлена взаимосвязь между этапами умирания и расцвета империи и обращением к образам прошлого и будущего в фантастике и фэнтези как формах осмысливания мифов и легенд на основе современного политического опыта.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в углублении представлений о закономерностях развития крупных полигэтнических и поликонфессиональных образований, также обозначаемых термином «империя». Результаты исследования могут быть использованы при анализе развития современных государственных образований и в учебных курсах по политологии, философии и истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

империя, фантастика, фэнтези, художественная футурология, идеальное конструирование

СТРУКТУРА

Введение

Фэнтези как форма политического познания

Образы империй прошлого и будущего как идеальные конструкты

Образы идеального прошлого и идеального будущего в художественной литературе и кинематографе ХХ–XXI в.

Заключение

Yu. Chernyahovskaya*Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage
Bersenevskaya naberezhnaya 18-20-22, str. 3, 19072, Moscow, Russian Federation*

EMPIRES AND FANTASY

ABSTRACT

Aim. To consider some of the many examples of the construction of motivating images of an ideal empire, turned in some cases to the past, in others – to the future, and their connection with motivating myths and their reinterpretation in the fantasy genre.

Methodology. The corpus of texts is analyzed and the historical and political science experience on the research topic is summarized, the methods of political and philosophical analysis, hermeneutics and dialectical logic were used.

Results. The relationship between the stages of the dying and flourishing of the empire and the appeal to the images of the past and future in science fiction and fantasy as forms of understanding myths and legends based on modern political experience is revealed.

Research implications. The study deepens the understanding of the development patterns of large multi-ethnic and multi-confessional formations also referred to by the term “empire”. The results of the study can be used in the analysis of the development of modern state entities and in training courses in political science, philosophy and history.

KEYWORDS

empire, science fiction, fantasy, artistic futurology, ideal construction

ВВЕДЕНИЕ

Империя и наши представления о ней – это всегда в некотором смысле продукт жанра фэнтези. Да, есть образ и термин, которые имеют вполне определённое политологическое содержание, обозначая конкретный тип историко-политического государственного устройства. Однако, говоря об империях, мы судим о них в первую очередь как о дошедших до нас мифах, основанных в лучшем случае на интерпретации тех или иных сохранившихся сведений. Они интересны и современному обыденному, и современному политическому сознанию как некие сохранившиеся идеальные образцы, переосмыслиемые нами на основе сегодняшних надежд и сегодняшнего политического опыта – что, собственно говоря, и составляет фэнтези как таковое: творческое переосмысление или переработка мифологических сюжетов на базе представлений о современности.

Целью данного исследования видится рассмотрение некоторых из множества примеров конструирования мотивирующих образов идеальной империи, обращённых в одних случаях в прошлое, в других – в будущее, и связи их с мотивирующими мифами и их переосмыслением в жанре фэнтези.

Причём имеется в виду, что в этом жанре переосмысление мифов прошлого может нести в себе как ориентацию на возврат к установкам прошлого, так и мотивирующие идеалы движения в будущее.

Автор обращается к ряду конструктов, которые не слишком часто подвергались исследованию и практически не включены в научный оборот в области политической науки. Именно поэтому на разных этапах развития общества и в разных историко-политических ситуациях они вызывают разные оценочные суждения, окрашенные как негативными, так и позитивными эмоциями, субъективными предпочтениями [8].

На фоне этого в рамках представленной работы автор постарался соединить два исследовательских начала: с одной стороны, был проведён анализ корпуса текстов, созданных в жанре фэнтези и содержащих отсыл к теме империи, с другой – компаративный историко-философский анализ выявленных в этих текстах политических моделей в контексте их сравнения с реальными этапами восхождения и угасания исторически существовавших империй; обобщён опыт их сравнения. Представленные художественно-философские конструкты рассматривались в качестве носителей политико-философских моделей, создаваемых посредством метафор их авторами, для осмыслиения которых в рамках и наряду с методами политико-философского анализа использовались подходы герменевтики и особенно диалектическая логика, позволявшая выявлять содержательные связи анализируемых моделей и результаты взаимодействия содержащихся в них противоречий.

ФЭНТЕЗИ КАК ФОРМА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

Произведения жанра фэнтези основываются на мифологических и сказочных мотивах, переосмысленных или переработанных авторами. Можно сказать, что мифология так или иначе строится на рациональном либо интуитивном осмыслиении политических проблем, припомнениях о цивилизациях и империях древности, а их авторское переосмысление и переработка – осознанно или неосознанно включает в себя уже собственные авторские знания и опыт современной политической жизни. Т. е. в этом смысле фэнтези во многом становится рефлексией на вечные темы власти, подчинения, политического действия и психологического анализа политического поведения персонажей.

Безусловно, названный тезис требует множества оговорок. Нельзя утверждать, что всё фэнтези является вместилищем образов идеального прошлого и предметом анализа политико-философских проблем. На сегодняшний день жанр настолько разросся, что его границы крайне трудно определить, зачастую он не включает даже традиционных для классического фэнтези элементов магии и героики, а этимология слова «fantasy» – фантазия, – в своё время осознано конструированная западными авторами, чтобы получить возможность отказаться от канонов реализма, теперь сменила роль на негативную и заочно позволяет включить в рамки жанра предельно многое. И в этом смысле фэнтези, подобно классической научной фантасти-

ке, есть некая форма не всегда осознанного размышления о будущем и конструирования будущего.

Уместно обратить внимание на подходы, представленные Б. де Жувенелем в его книге «Искусство предположения» [2]. Анализируя разные способы предсказания, такие как: «перенесение» на будущее умозаключений, основанных на сегодняшнем опыте; пролонгация существующей тенденции; аналогия, основанная на перенесении в будущее закономерностей, выявленных в прошлом; «колея», предполагающая, что отстающие в своём развитии страны с неизбежностью и высокой степенью повторяемости проходят путь стран, их обогнавших; причинность, предполагающая, что одни и те же причины, приведшие к известным последствиям в прошлом, с неизбежностью приведут к тем же и в будущем; «априоризм» и «системность», – автор последовательно показывает расхождения сделанных в их рамках предсказаний с действительным ходом истории. И его выводом в значительной степени становится положение, вынесенное в название работы: что исключительно рациональных оснований оказывается недостаточно для успешного осмысливания больших политических проблем, которое становится возможным только именно при дополнении его «искусством предположения».

Разумеется, как при анализе в качестве источника реалистической литературы не обращаются (как правило) к бульварным романам, так и в данном случае нет смысла ссылаться на худшие образцы жанра, доказывая, что лучшие его образцы не несут в себе философского содержания.

В известном смысле можно сказать, что если отличительной особенностью научной фантастики является создание фантастических картин, не противоречащих современным её авторам научным данным, то философское фэнтези создаёт фантастические картины, выходящие за рамки научно-технических представлений, но отражающие основанные на осмыслении существующего политico-философского опыта.

Как писала Е. Сафон, отличительной чертой фэнтези выступает «идея двоемирия, позволяющая создавать новый иной сверхъестественный мир, обусловленный множеством фантастических обстоятельств» [9, с. 12].

Строго говоря, «философское фэнтези» (к которому можно дать такое название по аналогии с «философской фантастикой») в определённом смысле зародилось задолго до того, как появился сам термин «фэнтези» – речь здесь идёт о рыцарских романах эпохи романтизма и «Королевских идyllиях» А. Теннисона. И сегодня некоторые общественные деятели называют идеалом общества для себя общество, обрисованное в русских былинах, но былины, хоть и являются своего рода мифологией, также были собраны и обработаны в XIX в. на волне общего увлечения писателей романтизмом и в этом смысле могут быть названы аналогом английских рыцарских романов. Так, В. Скотт в переписке с русскими литературными деятелями называл их богатейшим материалом (требующим, правда, громадной обработки).

В целом образы идеального прошлого на протяжении веков формировались и переосмыслились практически так же часто, как и образы идеального будущего. В очень грубой хронологии этот процесс можно считать параллельным, но при ближайшем рассмотрении мы можем видеть, что это не так.

Как писал в своё время А. С. Панарин: «Тысячелетние культурные эпохи, делавшие акцент не на сиюминутно полезном, а на вечном и непрекращающем, могут быть оценены нами как времена великого культурного накопления – в том смысле, в котором экономисты говорят об экономическом накоплении» [7, с. 260].

Фэнтези сохраняет мифы и опыт прежнего мира и прежних империй, но, осуществляя свои миромоделирующие функции [6, с. 26], – оно создаёт новые миры и новые империи. Можно ли вообще называть существующее сегодня положение дел становлением новых империй? Как и любой вопрос в гуманитарных науках, этот вопрос, безусловно, может иметь разные ответы. Автор данного материала исходит из следующих определений и тезисов.

ОБРАЗЫ ИМПЕРИЙ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО КАК ИДЕАЛЬНЫЕ КОНСТРУКТЫ

Империя – государственно-политическое устройство, обладающее следующими характерными чертами:

- 1) обширной территориальной основой;
- 2) сильно централизованной властью;
- 3) стремлением элит к экспансии;
- 4) асимметричными отношениями господства и подчинения между центром и периферией;
- 5) наличием общего политического проекта;
- 6) разнородным этническим, культурным и национальным составом [13, с. 320].

Достаточно без особой предвзятости вчитаться в эпопею Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец», считающуюся наряду с «Хрониками Нарнии» Кл. Ст. Льюиса центральным произведением жанра фэнтези в XX в., – и в её образах так и всплыvёт определение феномена империи С. Эйзенштадтом: «...основная характеристика, как видно из латинского слова “империум”, состоит в наличии относительно концентрированных власти и правительства, расположенных в относительно сильном центре, который распространяет свою власть на широкое территориальное окружение»¹.

«Кольцо Всевластия» суть тайна и проблема власти, а также рождаемых ею отношений между людьми – по существу центральной категории в трилогии Толкина (да и почти любого фэнтези), и любой существовавшей в истории империи. Определяющим её характер является третья из названных выше

¹ Санистебан Л. С. Основы политической науки. Раздел X: Историческая типология политических систем / пер. с исп. В. Л. Заболотного. М.: МП «Владан», 1992. 122 с.

характеристик: момент экспансии. В зависимости от её характера можно выделить два основных типа империи: *Империя-1*, где экспансия носит характер стремления к завоеванию, имеющему целью обеспечение существования метрополии за счёт провинций, и *Империя-2*, где экспансия носит характер утверждения своего миропроекта. В современном мире вообще нельзя быть ведущей державой, не имея собственного миропроекта, не предлагая свой вариант видения истории и политического существования [13].

Как представляется, мы имеем основания выделить два типа «империй» – основанные на экспансии и последующей интеграции захваченных народов, более свойственные «империям прошлого», и основанные на едином целеполагании и продвижении вперёд (а также расширении) на основе единого проекта, более характерные для «империй настоящего и будущего». В ходе такого продвижения одновременно происходит и рост территорий. Что, в прочем, не исключает определённого смешивания данных характеристик и в прошлом, и в настоящем.

Последнее, в частности, относится к современной России, которую нельзя в чистом виде отнести ни к одному из этих видов империи. Прослеживая историческую канву, мы можем сказать, что сегодняшняя Россия как империя имеет смешанные истоки. Это имперское образование, выросшее из начального объединения государственных образований, с населением, проживающим на единой geopolитической территории, объединяемым хозяйственными связями и говорящим на одном – русском – языке, которое распространяло своё влияние на прилегающие народы, во многом интегрируемые в данное общее пространство по разным основаниям, выразившееся в собственно имперском государственном образовании со времён Петра I в ходе его модернизаторской деятельности, в известной степени приобретавшей проектный характер.

С известными оговорками можно сказать, что если перерастание Русского национального государства Ивана III в Московское царство осуществлялось при доминировании идеи Третьего Рима, на продолжении и возрождении образов Византии, т. е. «мифа о Византии», то модернизационное преобразование его в Империю Петра основывалось, скорее, на доминировании «мифа о Риме», переосмыслиенного и переработанного на основании современного Петру европейского опыта.

Образ «Третьего Рима», основанный на переосмыслении мифа о «Великом Константинополе», был продуктом фэнтези XVI в., образ петровской империи, основанный на переосмыслении мифов о «Римской империи», был продуктом фэнтези XVII–XVIII ст.ст.

После падения монархического правления распадающееся пространство империи на следующем этапе было объединено под единым проектом строительства коммунизма и расширилось уже на основе этого проекта. Это, конечно, была реализация теории Маркса, но одновременно – переосмыс-

ление мифов Кампанеллы и Ж. Верна: неслучайно в 1930 г. ЦК ВКП(б) принимает решение о массовом издании произведений последнего [4; 8]. Важно, что этот проект не носил инструментального характера, не создавался искусственно для интеграции включённых в империю народов, а напротив, был самоцелью, впоследствии увлёкшей новых участников. И наконец, что также представляется важным для данного исследования, на сегодняшний день это империя, потерявшая часть своих территорий (причём в том числе приобретённых на первом этапе развития, на этапе Империи-1).

Возможно ли восстановление империи после распада? Такую возможность подтверждает именно опыт России, так или иначе сумевшей преобразоваться в Империю-2.

Мы приходим к вопросу о становлении, распаде и перерождении империй, причём сразу с нескольких ракурсов. Как писал автор статьи в ряде других работ, подобные идеологические проекты, как правило, имеют в своей основе образ идеального прошлого (консерватизм), образ идеального будущего (коммунизм) или образ идеального настоящего (либерализм, индивидуализм, прагматизм, – не ставящий далёких целей).

Ранее опубликованные работы автора статьи во многом посвящены обоснованию того факта, что вместе с проектированием идеального будущего на разных этапах развития культуры зачастую становилась фантастика [10; 11; 12].

Продолжая развивать этот подход, можно отметить и то, что образы идеального прошлого с неизбежностью облекаются в художественные формы, выступающие носителем совокупности исторических мифов. Как фантастика может быть научно-технической и, таким образом, отталкиваться от известных научных данных, а может быть философской и основываться на осмыслиении общих вечных оснований политической и социальной жизни, так и литература о прошлом может как стремиться к документальности (и тогда мы имеем дело с историческим романом, или историческим фильмом – применительно к более новым формам художественно-повествовательной культуры), так и отталкиваться от общепhilософских конструктов. Последнее в практике XX в. нашло выражение в жанре фэнтези².

Если обратиться, для примера, к истории кинематографа, во многом составившего мифологию XX в., можно видеть целые слои интерпретаций Римской империи и римлян как завоевателей и тиранов. Но в то же время не только в XX в., но и на протяжении полутора тысяч лет после своего падения Римская империя притягивала внимание как художников, так и мыслителей. Раз за разом историки и обществоведы обращались к вопросу о причинах её падения и распада. По существу, все наши, не только художественно-по-

² Аналогично тому, как В. В. Кузин выделял наряду с наукой о прошлом группу наук, занимающихся будущим, – прогнозирование, при том что к «наукам о будущем» он так или иначе относит вообще все науки, кроме исторических [5, с. 5].

этические, но и кажущиеся более академическими представления о Риме – строятся на системе мифологем: и как системы легенд и преданий, и как собственно-научного понимания мифа, в качестве «надежды, наполняющей смыслом коллективное действие». Как писал Я. Буркхардт о Римской империи, она «в любом случае неизмеримо превосходит все древние мировые монархии и вообще является единственной Империей, заслуживающей, при всех своих недостатках, это имя» [1, с. 83].

Римская империя фактически легла в основу Европейской, и более того, Западной в целом цивилизации. Но это был именно «Миф о Риме» как о мотивирующем образце и для Карла Великого с его Империей Запада, и для Оттона I, возрождавших Рим спустя триста-четыреста лет после его падения. Поэтому претенденты на её преемственность и наследие на её фоне, как представляется, даже реже становятся объектами внимания: недолгая империя Атиллы, Империя Запада Карла Великого, Священная Римская Империя и Священная Римская Империя германской нации и т. д. Её предшественники – Египет, Древний Китай и Империя кельтов – хотя и существуют в сознании отдельных романтиков, также не стали таким полем скрещивания мнений, но при этом уже в римском античном сознании существуют как своего рода мифы, переосмыслиенные современниками.

Римская империя до сих пор вдохновляет композиторов, писателей и сценаристов, творчество которых само по себе является фантазиями, осуществляющими переосмысление соответствующих мифов. И неслучайно тот же Руткевич пишет: «Как эмпирик я предпочёл бы – вслед за указанным мнением Я. Буркхардта – оставить имя Империи исключительно за Римом и его прямыми наследниками» [8, с. 41].

Представляется, что взлёт популярности жанра фэнтези в конце XX в. и на рубеже нового тысячелетия – отражает потребность осмыслиения мифов великого прошлого в контексте рождающего новые мифы опыта империй нового типа, чья история, становление и войны вовлекли в себя на самом деле значительно большие массы людей: такие великие империи XX в., как США, СССР, и недолгий, но предельно негативно себя отметивший Третий Рейх.

Конец века ознаменовался упадком империй и имперского сознания, развитием и популяризацией того, что воспринималось как идеи демократии, индивидуализма и самодостаточности малых субъектов, однако не прошло и тридцати лет, как мы снова вернулись к старым вопросам.

Вопрос заключается в выборе идеально предпочитаемого, т. е. того образа миропроекта, в котором, говоря словами Б. Стругацкого: «Нам хотелось бы жить».

Достаточно очевидным является то, что современный человек предпочтёл бы жить в империи второго типа, основанной на идеологическом проекте, а не в «Империи-1», основанной на военной экспансии и подчинении.

«Империя-1» в конечном итоге либо не выдерживает собственной тяжести, либо приходит к тому же, от чего отталкивается «Империя-2» – консолидация большой и разнородной массы участников полиса невозможна без единого проекта, т. е. единого мифа, наполняющего смыслом коллективное действие.

Претензия на имперский статус как минимум двух существующих ныне государств представляется очевидной. И потому проблемы анализа различных аспектов функционирования империи снова обретают актуальность. И важнейшими из них представляются аспекты становления империи и её распада. Становления, потому что мы, возможно, являемся свидетелями становления и заявления о себе новой Российской империи. Эта империя вряд ли может быть идентична советской либо предшествовавшей ей дореволюционной. Впитывая позитивные практики прошлого, осмысливая их образы и мифы, она неизбежно должна найти свои ответы, которые стали причиной разрушения её предшественников.

Автор статьи полагает, что обращение к образам идеального прошлого в ходе развития цивилизации, культуры и общественной мысли чередовалось с конструированием образов будущего. Причём первое характерно для периодов стагнации и распада империй, а второе – для периодов, следующих за их объединением и характеризующихся нарастающим развитием науки и культуры.

Фактически противостояние двух держав, длившееся почти половину ХХ в., охватило весь земной шар и вовлекло в свои перипетии практически всё человечество.

И по этой же причине важными представляются вопросы, связанные с распадом империй прошлого – потому что, только изучив существовавшие прежде практики, можно избежать тех же последствий. Кстати, недолгое существование Третьего Рейха можно объяснить и тем, что основой его стали мифы, культивирующие образы прошлого, тогда как Победа СССР – предопределялась и тем, что в основе его лежали мифы и образы будущего.

Применительно к ХХ в. подобные всплески-волны можно видеть на следующих этапах: 1920-е гг., послереволюционный период в СССР, бурный всплеск художественной футурологии, футуризма и утопизма, 1960-е гг. в СССР – вершина научно-технического романтизма.

В то же время 1930-е гг. в США: всплеск мистицизма, популярность жанра ужасов. 1970-е гг. – всплеск антиутопий. 1980-е гг. – обращение к образам прошлого, популярность жанра фэнтези нарастает (США фактически проигрывает «большую гонку», империя на спаде). 1990-е гг. в США – новый всплеск научно-технического романтизма («холодная война» выиграна, Империя Запада – вновь на марше). Россия начала 1990-х гг.: популярность мистики не только в кино и литературе, но и в обыденной жизни, реклама экстрасенсов и белых магов на всех каналах. Одновременно – с Запада идёт волна устаревших образцов западной, в основном американской, культуры.

Популярность обретают, опять же, фильмы ужасов и в более узких группах – книги жанра фэнтези. Почему в более узких? Потому что на этот момент в принципе большая часть аудитории не заинтересована в глобальном осмыслении мира, будь то обращение к будущему или прошлому. Но те, кто в нём всё-таки заинтересован, делают поворот от будущего к прошлому.

Таким образом, мы видим две противоположные тенденции, свойственные самосознанию и самоидентификации империй посредством художественного идеального конструирования: в периоды упадка империи обращаются к образам прошлого, к образам утраченной мечты, в периоды взлёта – к образам будущего, к мечте зарождающейся. А отсюда – и обратное предположение: на перекрёстках истории обращение к образам прошлого губит делающую выбор империю, – обращение к образам будущего позволяет создать новую.

ОБРАЗЫ ИДЕАЛЬНОГО ПРОШЛОГО И ИДЕАЛЬНОГО БУДУЩЕГО В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И КИНЕМАТОГРАФЕ XX–XXI В.

Однако за этим фактом стоит многомерная проблематика. Выделяя лишь отдельные её черты, стоит сказать, что обращение империи к образам прошлого – не случайно. Таким образом, люди, воспитанные на идеях величия своей Родины, ощущают и проявляют несоответствие впитанного с детства идеала с действительностью: «...Континентальная культурная революция, в которой нуждается всё человечество, должна состоять в том, чтобы сконструировать принципиально иную “машину времени”, в которой великое культурное наследие не бракуется, а используется» [7, с 261].

Отсюда общий образ исторического регресса, свойственный многим произведениям классического фэнтези – у Толкина история Средиземья выделяет три эпохи, и каждая последующая выглядит менее героической, её активные деятели всё дальше от Создателя-Илуватара, затем от его старших детей-полубогов майар; те, кто делает Третью эпоху, уже далеко даже от эльфов – следующего поколения детей Создателя, а четвёртая эпоха характеризуется полным уходом эльфов, а с ними, возможно, и волшебства. Такую же тенденцию можно наблюдать в известном фэнтезийном цикле М. Уэйс и Т. Хикмен: Век Света сменяется Веком Силы, а за ним идёт Век Отчаяния, событиям которого посвящены основные книги цикла «Сага о кольце». Многие менее известные произведения жанра, авторы которых уделяют достаточное внимание проектированию своего мира, повторяют или переосмысливают эту схему.

В то же время на этом примере мы уже видим, что каждый конструкт обладает своими характерными чертами. Если исторический регресс Толкина – это история отдаления смертных от божественного начала, то регресс М. Уэйс и Т. Хикмена – это, скорее, история распри, раскола божественных,

затем оклобожественных и, наконец, человеческих монолитных структур на разные фракции, в основе которых лежат разные ценности. В ходе цикла авторы неоднократно повторяют: «Маятник не может застыть неподвижно», – и одна из базовых идей, связанных с историческим прогрессом в этом мире – маятник истории всегда колеблется между светом и тьмой. Добавим к этому чуть более позднюю трактовку С. Лукьяненко света как порядка и тьмы как свободы, и увидим, что речь идёт о бесконечных волнообразных колебаниях между распадом на множество и объединением в общее целое. При этом эпоха максимального объединения, относящаяся к Веку Силы, завершается появлением идеальной теократической империи под началом короля-жреца, решившего соперничать с богами. Истар в сознании потомков, живущих в мире цикла, остаётся памятью об эпохе победы света и торжества добра, т. е. мы видим тот самый идеальный конструкт прошлого, конструкт империи, о котором речь шла раньше. Однако финальные события Века Силы и граница его с Веком Отчаяния – катаклизм, обрушившийся на Империю Истар и на три столетия повергший человечество в хаос, разрушивший связи между народами и приведший к отречению людей от богов.

Таким образом, мы видим, что даже эти два конструкта идеального прошлого – Толкина и двух других западных авторов – крайне различны. Их объединяет только общая идея, относящая идеал в прошлое. Причём нужно обратить внимание на цивилизационное время появления этих проектов: они появляются на Западе во времена его упадка и цивилизационного возвышения империи Образов Будущего – СССР, –пытаясь талантливо романтизировать своё отступление.

Более глубокий и детальный анализ двух этих примеров требует обратиться к освещению исторической обстановки, в которой создавались тот и другой проекты, а также к описанию многих других фактов, которые, к сожалению, не представляется возможным привлечь в рамках данной статьи.

Однако в противовес этому мы можем привести два (из многих) примера образа будущего, представленные в данном случае двумя художественными произведениями: «Туманность Андромеды» И. Ефремова и «Вавилон 5» М. Стражински.

«Туманность Андромеды», хотя и не формирует образа империи в чистом виде, представляет нам проект достаточно монолитного общества будущего, решившего большинство проблем, характерных для империи. Причём И. Ефремов в одной из глав книги подробно описывает и фазы движения, через которые прошло человечество по пути к этому обществу. Примерное время создания конструкта – 1950-е гг. XX в, т. е. мы имеем дело со свидетельством самосознания общества, не так давно выигравшего войну и стоящего на пути к «Эпохе света».

История оказалась сложнее. Как писал тот же Ефремов в предисловии к своему «Часу Быка»: «Немалое число научно-фантастических произведений,

от мелких рассказов до крупных романов, где Счастливое коммунистическое будущее достигнуто как бы само собой... Своим романом мне хотелось возвратить таким произведениям... Невообразимая сложность мира и материи потребует исполнинской работы для существенных шагов в познании... Переход к бесклассовому коммунистическому обществу и полное осуществление мечты основоположников марксизма о "прыжке из царства необходимости в царство свободы" не просты и потребуют от людей высочайшей дисциплинированности и сознательной ответственности за каждое действие»³.

В 1990–91 гг. возникнет иллюзия окончания «холодной войны», и у тех или иных мечтателей появится светлая надежда, что возможен мир согласия и сотрудничества, мир, где каждому народу и каждой культуре найдётся место и общие вопросы смогут решаться в равноправном взаимодействии множества разнообразных.

Эту надежду, хотя и в достаточно осторожно-критичной форме⁴, отразит проект «Вавилон-5», предложенный М. Стражински: его уже нельзя назвать утопией, однако в целом он представляет собой благополучное земное общество будущего, относящееся к XXIII в., и представленное в культовом американском космическом сериале.

Как и авторы двух других ранее названных произведений – «Туманность Андромеды» и «Сага о копье», – М. Стражински большое внимание уделяет отношениям культур и культурному суверенитету. Одна из первых, постановочных, серий цикла посвящена проблеме многообразия и эталона: в ней рассказывается история общества, которое, стремясь уничтожить своих врагов, создало сверхмашину, уничтожающую всех, кто отличается от эталона. В итоге – прибор уничтожил всё население собственной планеты, поскольку даже на ней полностью соответствующих запрограммированному эталону не нашлось.

В другой, также одной из первых, серии сюжет вращается вокруг фестиваля религий, который проходит на станции, где каждая планета представляет свои религиозные традиции. Герой сериала до последнего не может решить, какую из земных конфессий следует представить другим цивилизациям и, в конце концов, представляет более десятка различных духовных наставников: задаётся тональность и основная мысль – Земля будущего будет многообразна, и разные ценностные системы уживутся между собой. По большому счёту, эта проблема встаёт в сериале многократно, пока глобаль-

³ Ефремов И. А. Час Быка. М.: Дружба народов, 1995. С. 6–7.

⁴ «Вавилон-5», на первый взгляд, также выглядит экстраполяцией американской мечты в будущее, однако при ближайшем рассмотрении всё выглядит не так однозначно. Так, сконструированному М. Стражински миру свойственны как типичные проблемы капиталистического общества (забастовки рабочих, рост платы за аренду жилья), так и черты социального государства: газеты, к примеру, конструируются и распечатываются на основе набора характеристик, задаваемого покупателем, однако плата за них не взимается.

ная война не заставляет народы поделиться, встать на ту или иную сторону: сторону пастырей Вселенной – древней расы Варлонцев, – или на сторону Теней, представляющих идеал бесконечной свободы и методы естественного отбора, – т. е. в итоге выносится вердикт: выбор неизбежен. И следом автор выводит ситуацию на новый уровень, когда в финале этого конфликта представители Земли просят Древних уйти со сцены и дать молодым народам развиваться самостоятельно.

Т. е. Стражински не пытается предопределить, какими непосредственно должны быть отношения в новом Альянсе, но постулирует его принципиальную возможность и обозначает базовые ценности, среди которых – уважение к культурному суверенитету каждой из цивилизаций.

Только мир, основанный на сотрудничестве и бесконфликтности, оказался не нужен тем, от кого зависело его создание: элиты США тогда выбрали иной путь.

История опять распорядилась по-своему: вместо мира сотрудничества и разнообразия наступила эпоха стремления к одностороннему доминированию, вместо возможности создания новой Империи-2 – возврат к попытке утвердить старый вариант Империи-1: вторжение США в Сомали, двойная агрессия Запада в Югославии во второй половине 1990-х гг., вторжение в Ирак и Афghanistan в 2000-х гг.... Затем Ливия, Сирия, агрессия против России на Украине: этот курс был предопределен стремлением к гегемонии Запада ещё в 1990-е гг., когда, в частности, надежда на Мир Согласия, отразившая надежды многих и представленная Стражински, – оказалась не нужна и предосудительна для властных элит США. Проект отразил надежду и возможности новой «растущей империи» как сообщества мирового содружества, объединённого «проектом согласия», но оказался не нужен и свёрнут в интересах других установок. Элиты выбрали путь конфликтной гегемонии, на деле означавший не восхождение к содружеству, а перенапряжение и дальнейшее угасание и так стареющей американской империи.

В свет к этому моменту успевают выйти четыре сезона сериала из запланированных пяти, когда истеблишмент США входит в некую новую эру: 1997 г. становится годом заметного перелома в американской массовой культуре, представленной в данном случае кинематографом и телеэпопеями – проект «Вавилона» сворачивается, и своеобразным эпиграфом последних сезонов становятся слова: «Мы мечтали о мире... но нашей мечте было не дано осуществиться».

Помимо «Вавилона», профинансированного на половину следующего сезона, закрывается проект «Параллельные миры» (*Sliders*), меняется направленность проекта «Подводная Одиссея» (*SeaQuest*) (оба последних можно считать вариациями на тему научно-технического романтизма).

Зато стартует ряд проектов, например «Солдаты удачи» (1998), в фокусе которых – американский герой-патриот, с миссионерскими целями вторга-

ющийся в «отсталые страны». Те проекты, которые остаются на плаву, также поворачивают в направлении развития этой идеи. В частности, «Подводная Одиссея» (SeaQuest) – история о подводной лодке XXI в., исследующей простираемы земных океанов, создаётся как история капитана-учёного, дауншифтера, предпочитающего общение с дельфинами экспанссионистской военной службе. В 1998 г. на посту его сменяет военный, который более не испытывает таких сомнений.

В последних вышедших сериях «Вавилона-5» – одной из функций союза, казалось бы, олицетворившего победу согласия и сотрудничества, становится регулирующая деятельность по отношению к субъектам, отказавшимся вступить в союз, посредством до того создававшегося исключительно в целях освобождения и исключительно для защиты собственного суверенитета членов союза – флота Белой звезды.

Всё выглядит слишком системно, чтобы видеть в таких поворотах случайность или даже простой отклик на смену общественных настроений зрительской аудитории: ни один из новых, теперь уже пропагандирующих силовую гегемонию Империи-1 проектов, созданных в ключе этой новой американской идеологии, не продержался на плаву более двух лет, все они коммерчески не оправдались, т. е. позитивного отклика аудитории не получили.

Хронологически этот поворот в массовой культуре от конструктов согласия к конструктам принуждения совпадает с новым поворотом внешней политики США второй половины 1990-х гг.: концепт «миротворцев» – носителей самой воинственной идеологии во Вселенной и милитаристической цивилизации, лишённой собственной культуры, – раскрывает в своём сериале «На краю Вселенной» Р. О'Бэннон, автор упомянутого и закрывшегося в 1999 г. проекта «Подводная Одиссея». Новый проект начинает выходить после закрытия первого в 1999 г., но уже не в США, а в Австралии.

С этим же переломным 1997 г. можно соотнести кризис концепта американской мечты как классической системы ценностей демократии и свободы и одновременно конец третьего всплеска научно-технического романтизма на Западе.

Проходная мысль цикла – «Эта станция (с характерным названием «Вавилон») стала нашей последней надеждой на мир» – заставляет вспомнить положения «технооптимитического бестселлера № 1» Г. Кана и А. Винера [3, с. 38–39], позволяющие говорить, что «технооптимизм» был рождён лишь надеждой, что человек, создавший проблемы, сможет использовать «...некоторые возможности, которые часто связывают с концепцией «постиндустриального» общества» [12, с. 67–68], для того, чтобы их решить.

Как и М. Уэйс и Т. Хикмен, М. Стражински обращается к проблемам противостояния ценностных систем и культур, вокруг которых строятся основные конфликты сериала. И можно сказать, что это – весьма важная часть про-

блем, которые встают перед империей. Это те проблемы, которые зачастую в исторической практике и приводят к её распаду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Можно сделать вывод, что фантастика и фэнтези, художественные конструкты, обладающие способностью миромоделирования и создания самосознания и самоидентификации нового мира, отражают этапы и особенности формирования самосознания и самоидентификации на разных этапах становления и распада империй, но, выражая ожидания и надежды будущего, могут приходить в противоречие с интересами и стремлениями элиты, стремящейся нивелировать подобный миромоделирующий потенциал, что представляет интерес для дальнейшего анализа.

Причём особый интерес вызывает представленный в названных (и некоторых других) вселенных политico-культурный аспект, связанный с проблемами культурного суверенитета и взаимодействия культур и мифов внутри империи.

Мифы Империй получают осмысление в фэнтези – фэнтези, переосмыслия старые мифы, создаёт новые империи. Можно предположить: ведь мифы – осмысление образов прошлого, не получается ли тогда, что империю губит обращение к мифам как таковым? – Но в данном утверждении не учитывается, что фэнтези есть осмысление мифов прошлого на основе приобретённого опыта при исполнении функции миромоделирования – т. е. при создании образов будущего, наполняющего смыслом и надеждой коллективное действие.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в расширении подходов политico-философского анализа политических конструкций через введение в оборот исследования создаваемых с помощью метафор в рамках жанров фэнтези и фантастики моделей альтернативного политического конструирования. Сам названный жанр рассматривается как пространство политического сознания и поле политico-философского и историко-политического осмысления как вечных, так и современных проблем политической жизни.

На прикладном уровне подобные подходы, с одной стороны, могут быть использованы при чтении учебных курсов по политологии, философии и политическому анализу, а с другой – и при собственно текущем анализе политического процесса, и при выявлении через представленные в образах фантастики и фэнтези назревающие и ожидаемые политическим сознанием модификации наличествующей политической жизни.

ДАТА ПУБЛИКАЦИИ

Статья поступила в редакцию: 30.09.2023

Статья размещена на сайте: 29.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркхардт Я. Размышления о всемирной истории / пер. с нем. А. В. Дранова, А. Г. Гаджикурбанова. М.: РОССПЭН, 2004. 558 с.
2. Де Жувенель Б. Искусство предположения // Бестужев-Лада И. В. Впереди – XXI век. Антология современной классической прогнозистики: перспективы, прогнозы, футурологи. М.: Академия, 2000. С. 102–128.
3. Кан Г., Винер А. Двухтысячный год – база для размышлений о следующих тридцати трех годах / пер. с англ. М.: Всесоюзный научно-исследовательский центр информации, 1969. 847 с.
4. Козьмина Е. Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М.; Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2017. 292 с.
5. Кузин В. В. Футурология: триумф и трагедия // Бестужев-Лада И. В. Впереди – XXI век. Антология современной классической прогнозистики: перспективы, прогнозы, футурологи. М.: Академия, 2000. С. 5–7.
6. Наумчик О. С. Миромоделирующие функции игры в художественной системе английского фэнтези: дис. ... докт. филол. наук. Нижний Новгород, 2020. 395 с.
7. Панарин А. С. Глобальное политическое прогнозирование. М.: Алгоритм, 2002. 348 с.
8. Руткевич А. М. Гештальт империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 15–45.
9. Сафон Е. А. Поэтика городского фэнтези в русской литературе XX – начала XXI веков: дис. ... докт. филол. наук. Саранск, 2021. 437 с.
10. Черняховская Ю. С. «Большая тройка» советской художественной футурологии. Политико-философское осмысление проблем культурного суверенитета, культурно-цивилизационной интеграции и формирования идеалов будущего в произведениях И. Ефремова, А. Казанцева, А. и Б. Стругацких: компаративный анализ. М.: Институт Наследия, 2022. 380 с.
11. Черняховская Ю. С. Кризис идеального политического конструирования в современном мире и проблема восстановления проектности в стратегии развития государств // Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности / под ред. Г. Г. Малинецкого. М.: ИПМ имени М. В. Келдыша, 2023. С. 146–162.
12. Черняховская Ю. С. Метакультура И. А. Ефремова как средство консолидации Империи // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 235–242.
13. Черняховский С. Ф. Империя как запрос // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 319–335.

REFERENCES

1. Burckhardt J. Überlegungen zur Weltgeschichte (Rus. ed.: Dranov A. V., Gadzhikurbanov A. G., transl. *Razmyshleniya o vsemirnoi istorii*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 558 p.).
2. De Jouvenel B. [The art of guessing]. In: Bestuzhev-Lada I. V. *Vperedi – XXI vek. Antologiya sovremennoi klassicheskoi prognostiki: perspektivy, progozy, futurology* [Ahead is the XI century. Anthology of modern classical forecasting: prospects, forecasts, futurologists]. Moscow, Akademia Publ., 2000, pp. 102–128.
3. Kahn G., Wiener A. The year 2000: A framework for speculation on the next thirty-three years (Rus. ed.: *Dvukhlyachnyi god – baza dlya razmyshlenii o sleduyushchikh tridtsati trekh godakh*. Moscow, Vsesoyuznyi nauchno-issledovatel'skii tsentr informatsii Publ., 1969. 847 p.).
4. Kozmina E. *Fantasticheskii avantyurno-istoricheskii roman: poetika zhanra* [Fantastic adventure-historical novel: poetics of the genre]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2017. 292 p.
5. Kuzin V. V. [Futurology: triumph and tragedy]. In: Bestuzhev-Lada I. V. *Vperedi – XXI vek. Antologiya sovremennoi klassicheskoi prognostiki: perspektivy, progozy, futurology* [Ahead is the XI century. Anthology of modern classical forecasting: prospects, forecasts, futurologists]. Moscow, Akademia Publ., 2000, pp. 5–7.
6. Naumchik O. S. *Miromodeliruyushchie funktsii igry v khudozhestvennoi sisteme angliiskogo fentezi: dis. ... dokt. filol. nauk* [World-modeling functions of the game in the artistic system of English fantasy: Dr. Sci. thesis in Philology]. Nizhny Novgorod, 2020. 395 p.
7. Panarin A. S. *Global'noe politicheskoe prognozirovaniye* [Global political forecasting]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 348 p.
8. Rutkevich A. M. [Gestalt of the Empire]. In: *Tetrali po konservativizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 1, pp. 15–45.
9. Safron E. A. *Poetika gorodskogo fentezi v russkoj literature KhKh – nachala KhKhI vekov: dis. ... dokt. filol. nauk* [Poetics of urban fantasy in Russian literature of the 20th – early 21st centuries: Dr. Sci. thesis in Philology]. Saransk, 2021. 437 p.
10. Chernyakhovskaya Yu. S. «Bol'shaya troika» sovetskoi khudozhestvennoi futurologii. Politiko-filosofskoe osmyslenie problem kul'turnogo suvereniteta, kul'turno-tsivilizatsionnoi integratsii i formirovaniya idealov budushchego v proizvedeniakh I. Efremova, A. Kazantseva, A. i B. Strugatskikh: komparativnyi analiz ["Big Three" of Soviet artistic futurology. Political and philosophical understanding of the problems of cultural sovereignty, cultural and civilizational integration and the formation of ideals of the future in the works of I. Efremov, A. Kazantsev, A. and B. Strugatsky: comparative analysis]. Moscow, Institut Naslediya Publ., 2022. 380 p.
11. Chernyakhovskaya Yu. S. [The crisis of ideal political construction in the modern world and the problem of restoring the project in the development strategy of states]. In: Malinetskii G. G., ed. *Proektirovanie budushchego*.

- Problemy tsyfrovoi real'nosti* [Futurity designing. Digital reality problems]. Moscow, IPM imeni M. V. Keldysha Publ., 2023, pp. 146–162.
12. Chernyakhovskaya Yu. S. [Metaculture of I. A. Efremov as an instrument for the Empire consolidation]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 2, pp. 235–242.
13. Chernyakhovskiy S. F. [Empire as a request]. In: *Tetradi po konservatizmu* [Notebooks on conservatism], 2022, no. 2, pp. 319–335.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черняховская Юлия Сергеевна – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра исследований политической культуры Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева; e-mail: julcher1@yandex.ru

Yulia S. Chernyakhovskaya – Dr. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Leading Researcher, Head of the Center for the Study of Political Culture, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage; e-mail: julcher1@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / FOR CITATION

Черняховская Ю. С. Империи и фантастика // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. URL: www.evestnik-mgou.ru

Chernyahovskaya Yu. S. Empires and fantasy. In: *Russian Social and Humanitarian Journal*, 2023, no. 4. Available at: www.evestnik-mgou.ru